

СОВЕТСКИЙ ЦИРК

СОВЕТСКИЙ ЦИРК

ЧАСТО спрашивают, для кого предназначен ваш журнал? И мы всегда отвечаем: и для артистов цирка и для любителей циркового искусства.

Наш журнал публикует статьи по истории и теории циркового искусства, освещает опыт и достижения советского цирка, печатает очерки о мастерах манежа, статьи о зарубежном цирке.

Появился у нас и новый раздел «Клуб друзей цирка». В нем уже выступили Е. В. Гельцер, Н. Ф. Погодин, Г. С. Титов, К. И. Чуковский, Л. О. Утесов и другие.

Зная, что цирк немыслим без веселого задорного смеха, мы стали уделять больше внимания юмору и сатире.

Сегодня читателям «Недели» мы предлагаем познакомиться с очерками, стихами и рассказами о цирке, которые будут напечатаны в очередных номерах «Советского цирка».

Ответственный редактор
В. ВИРЕН.

РЕПОРТАЖ С МАНЕЖА

ВЕСЕЛЫЙ НОМЕР

Выступление это занимает шесть минут и проходит под гомерический хохот зала. Однако это не клоунада, не темовая эксцентрика и не каверзы манипулятора, извлекающего неожиданные предметы из карманов сконфуженных зрителей. Номер, о котором идет речь, относится к дрессуре и называется «Пони и борзы».

В нем нет никаких чудес дрессуры, зато есть искрометный темп, четкость сценария, «емкое» оформление и, наконец, отсутствие видимого принуждения.

Строится номер так: выбегают четверо борзых и, усевшись в

ВОКРУГ ОДНОЙ ПРОГРАММЫ

И. КОЗЛОВСКИЙ, народный артист СССР

У МЕНЯ возникла мысль о родстве двух на первый взгляд полярных видов искусства: циркового и оперного. Музыкальное искусство, выражющее чувства, эмоции и степень духовной культуры народа, тоже основано на ритме и точности звука. Как музыкальная фраза передает настроение, мысли, переживания оперного персонажа — короче говоря, создает образ, так и на манеже цирка ритм и точность движений дают возможность артисту создать образ человека, прекрасного физически и духовно.

Гибкое тело гимнаста отрывается от трапеции и, как стремительный луч прожектора, взлетает под купол цирка. Милый и трогательный своей неуклюжестью, смешно одетый клоун в гротесковом рисунке повторяет работу гимнаста, а, как известно, пародия требует более высокого класса мастерства. Львы, послушные властному голосу укротителя, прыгают через пылающий обруч, преодолевая извечное чувство страха зверя перед огнем. И зритель то замирает, следя за рискованным кульбитом в воздухе, то смеется, то восхищается, гордясь властью человека над силой и яростью зверя.

В программе «Первые встречи» я видел работу укротителя Александра Капитанова. Звери и животные выполняют сложные номера, как мне показалось, без страха и злого огонька в глазах. Меня это радовало. Запуганный зверь не доставляет эстетического удовольствия, а вызывает лишь чувство жалости и досады на человека.

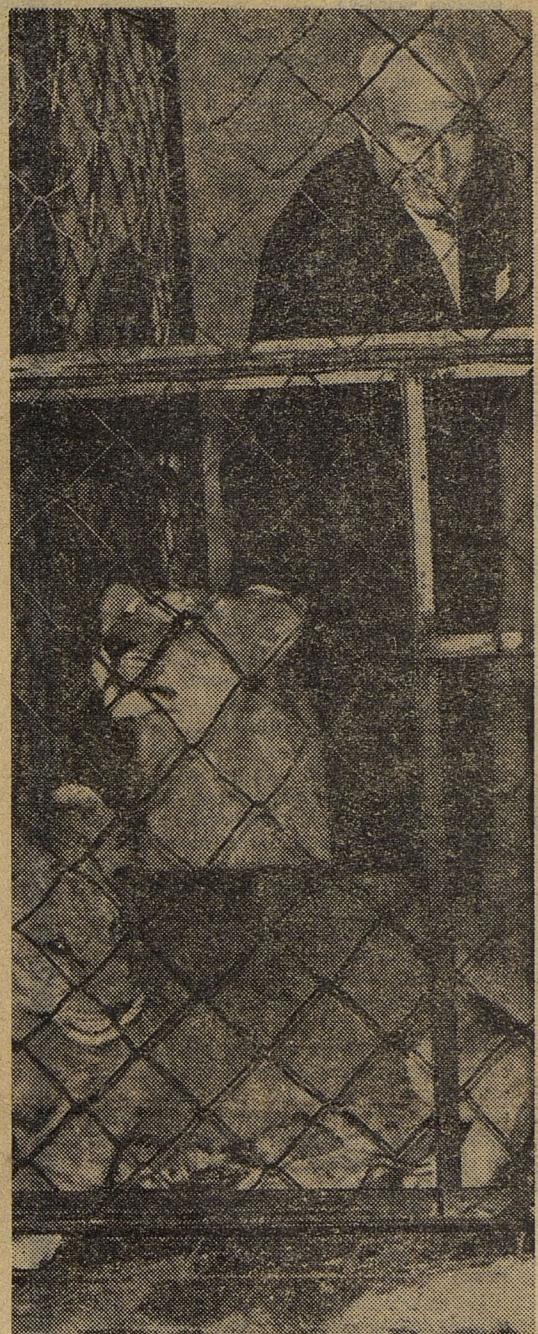
Я люблю всякую живую тварь и особенно горячо приветствую принцип укрощения, основанный на самом большом достоинстве человека — гуманизме.

С теплотой и восхищением вспоминаю знаменитого Владимира Леонидовича Дурова, у которого звери и животные были подлинными артистами, разыгрывали целые сцены и даже выступали в жанре политической сатиры. А сколько души и непостижимого труда вкладывал он, чтобы добиться цели! Подумать только — маленькая, несмышленая мышка садится в вагончик, и именно в тот, в который нужно, и именно на свое,

определенное место. Ведь это же чудодействие! Тонкая и сложная задача дрессировщика — раскрыть их. И у каждого для этого свой ключ. У современного представителя знаменитой цирковой династии В. Г. Дурова он сделан из сплава доверия и дружбы. Для него звери действительно друзья. Мне рассказывали такой случай. Однажды Владимир Григорьевич уехал в отпуск. Возвратился домой только через несколько недель. Когда он пришел поздороваться со своими питомцами и ласково подозвал к себе бегемота, равнодушный обычно ко всему зверина вылез из бассейна, подошел к укротителю и заплакал. Сам я не видел бегемотовых слез, но допускаю, что зверя, возможно, кто-то обидел и он пожаловался своему другу — человеку.

Всякое искусство, а значит, и цирковое, развивается. Будет развиваться, в частности, искусство дрессировки. Сохранятся ли через много лет клетки и какая появится «метада» у дрессировщиков будущего, сказать трудно. Думаю, что и через пятьдесят — сто лет львы не станут настолько сознательными, чтобы в свободное от прогулок по джунглям время приходить в цирк и выступать на манеже. Но, конечно, грустно видеть смелое, гордое животное в тесноте, за решеткой. Нужно стремиться, чтобы клетки зверей были по возможности удобны и просторны.

В заключение хочу поделиться одной растрогавшей меня сценой. После представления я зашел за кулисы цирка. Там я увидел то, чего не увидеть на манеже. Большая обезьяна отдыхала после «работы» в своем домике. Женщина, ухаживающая за животными, Вера Михайловна Пастухова готовила ей постель. Обезьяна с необыкновенной лаской гладила женщину лапой по лицу и волосам. Когда постель была готова, обезьяна нежно поцеловала Веру Михайловну, а та в свою очередь поцеловала обезьяну и заботливо укрыла одеялом. Мой глубокий поклон и благодарность этой замечательной женщине и всем тем труженикам арены, которые своей любовью и лаской к питомцам служат примером благородного отношения высшего существа — человека к зверю.

Известный певец знакомится с молодыми львами за кулисами Московского цирка.

как наступает разрядка: тройка пони развлекается на качелях, а четвертая за невозможностью разместиться на них ограничивается тем, что покачивает кресло, в котором восседает наблюдающий за своими питомцами Костюков.

Затем появляются четыре ажурных домика с калитками между ними, которые сверху украшены подковами и, конечно же, имеют лазейку для Динки внизу. Когда пони прыгают «в окна», борзы — через крыши, Динка, не выходя из образа, умудряется в бешеном темпе юркнуть в эту подворотню. Зато, когда «на комплименте» пони вставляют головы в обрамляющие их подковы, когда борзы располагаются в «окнах», Динка уверенно пристраивается к одной из борзы.

Но вот домики встают «в

очередь» один за другим, и их по-хозяйски проходят через калитки пони: первая, вторая, третья. Но что это? Четвертая, словно имитируя Динку, упрямо проходит через окна.

В finale номера Кострюков держит над головой шамбарьер, и четверо борзых перелетают через него, как бы задерживаясь на какое-то мгновение в воздухе.

Верная себе, Динка, «подняв панику», в бешеном темпе... пробегает между ногами хозяина, и тот, окончательно сраженный ее подвохами, бросив шамбарьер, устремляется за ней. Вот, собственно, и весь номер. Он, как видите, не претендует на какое-то «открытие», но он восторженно принимается любой аудиторией. В нем есть вкус, темп, выдумка, а главное — по-настоящему цирковой юмор.

Ю. БЛАГОВ.

